

ТРУДОУСТРОЙСТВО ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются основные направления, проблемы, трудности и итоги работы по трудоустройству эвакуированного населения. Делается вывод о том, что вовлечение эвакуируемых в трудовую сферу снизило остроту кадровой проблемы в регионе и дало возможность эвакуированным обеспечить прожиточный минимум.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Западная Сибирь, эвакуация, трудоустройство эвакуированных.

Война, быстрая оккупация значительной территории страны привели к резкому изменению количественного и качественного состава народнохозяйственных кадров СССР в 1941–1945 гг. Эти процессы были характерны и для трудовых ресурсов Западной Сибири, где с первых ее дней тысячи ИТР, рабочих, служащих, колхозников были мобилизованы в армию. Только за первые пять с небольшим месяцев войны Западная Сибирь отдала армии свыше 1 млн чел., что составило 67 % мужчин призывного возраста. В городских поселениях было мобилизовано 52 % мужчин, а в сельской местности, где бронь использовалась в ограниченном масштабе – свыше 75 % [Исупов, 2005. С. 85]. Война требовала не только проведения массовой мобилизации на фронт, но и расширения военного производства. Все это обостряло проблему кадров, недостаток которых ощущался в Западно-Сибирском регионе и в предвоенные годы.

Выход из сложившейся ситуации был найден в еще большей централизации управления трудовыми ресурсами, усилении внеэкономического принуждения к труду и создании возможных в военное время условий для трудоустройства и трудовой деятельности.

Трудовая политика государства в годы войны нашла отражение в целом ряде Указов Президиума Верховного Совета СССР и Постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» директора предприятий получили право устанавливать обязательные сверхурочные работы. Рабочий день был увеличен до 9–11 и более часов, отменены были очередные отпуска¹. Для закрепления рабочих и служащих на военных предприятиях Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» все мужчины и женщины, занятые в военной промышленности, объявлялись мобилизованными на весь период войны². Тринадцатого февраля 1942 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», согласно которому для работы в военной промышленности и связанных с ней отраслях народного хозяйства мобилизовывалось все не работав-

¹ Известия. 1941. 27 июня.

² Там же. 27 дек.

шее на государственных предприятиях и в учреждениях трудоспособное городское население в возрасте: мужчины – от 16 до 55 лет, женщины – от 16 до 45 лет, кроме тех, кто имел детей до 8 лет³. Нарушившие трудовой режим несли ответственность по законам военного времени.

Одним из важных источников пополнения трудовых ресурсов в военное время стала *эвакуированное население*.

Западная Сибирь была одним из основных регионов эвакуации населения. Первые эвакуанты вступили на сибирскую землю в начале июля 1941 г.⁴, а на 1 июля 1943 г. здесь было учтено 938,1 тыс. эвакуированных, в том числе 344,0 тыс. детей⁵. Эвакуированные прибывали в регион до глубокой осени 1943 г. Это были преимущественно дети и инвалиды из разоренных врагом районов страны⁶. Вопрос об общей численности эвакуированного в Западную Сибирь населения остается спорным. По мнению автора, в этот регион (без Курганской области) прибыло не менее 1 065 тыс. чел. [Снегирёва, 2005. С. 56].

Эвакуированные прибывали организованно и «самотеком». Так, на 1 января 1943 г. в Новосибирскую область (в ее старых границах) прибыло 504 251 чел., из них 109 570 – с промышленными предприятиями, 189 057 – с учреждениями и организациями, 13 800 – с детскими учреждениями, 3 996 – с детдомами, 187 828 – индивидуально⁷. Из 272,6 тыс. эвакуированных, размещенных на это же время в Омской области, 150 тыс. прибыли организованно, а 122,6 тыс. индивидуально⁸.

В связи с эвакуацией в Западную Сибирь большого количества населения местные органы власти должны были решить целый комплекс взаимосвязанных задач, одной из которых было трудоустройство прибывших. Этой проблеме уделялось большое внимание. СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали местные органы власти трудоустроить при-

бывшее население в течение 5–7 дней⁹. ЦК ВКП(б) требовал от местных руководителей добиться полного вовлечения всего трудоспособного (в том числе и эвакуированного) населения в промышленность, сельское хозяйство¹⁰.

Трудоустройством эвакуированных занимались многие структуры, первоначально – Переселенческое управление, отделы по мобилизации при крайоблгоррайисполкомах, эвакуотделы. С созданием Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации (26 сентября 1941 г.) и введением аппарата уполномоченных Управления по областям, эти функции выполняли их отделы по трудоустройству. В связи с реорганизацией указанных структур (31 января 1942 г.) эту работу вели отделы по хозяйственному устройству эвакуированного населения, в составе которых были инспекторы по трудоустройству.

Для представления СНК СССР и СНК РСФСР данных о трудоустройстве эвакуированных с 1 мая 1942 г. была введена декадная отчетность для всех регионов, в которые эвакуировалось население¹¹.

Уже при составлении планов размещения прибывающего населения и его расселении, местные органы власти исходили как из учета направления трудовой деятельности и специальности эвакуированных, так и из потребности в рабочей силе городов, рабочих поселков, совхозов, колхозов, их экономического состояния, нагрузки посевных площадей, а также процентного соотношения эвакуированных к местному населению. По возможности учитывался и производственный опыт прибывших. Рабочие, ИТР, служащие, эвакуированные с предприятиями, организациями, учреждениями, учебными заведениями размещались преимущественно в промышленных центрах и поселках городского типа. Сельское население – в районных центрах, колхозах, совхозах¹².

⁹ Собрание действующего законодательства СССР. Раздел III: Законодательство о труде, социальном страховании и социальном обеспечении. М., 1975. Т. 11, кн. 6. С. 490.

¹⁰ Правда. 1941. 18 дек.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 157. Л. 78; ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 2. Д. 3. Л. 34–37; Д. 4. Л. 23; ГАКО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 9. Л. 85; Ф. Р-18. Оп. 2. Д. 96. Л. 200–201; Оп. 5. Д. 17. Л. 158.

¹² Алтай в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. Барнаул, 1965. С. 275–276; ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 512. Л. 1.

³ Там же. 1942. 14 февр.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 512. Л. 6.

⁵ Исчислено по: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 404. Л. 5(1, 2).

⁶ Там же. Д. 401. Л. 54, 104, 146.

⁷ Там же. Д. 368. Л. 16.

⁸ Исчислено по: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 368. Л. 16, 28, 44; Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сб. док. Омск, 1961. Т. 2. С. 281.

Основная масса прибывшего населения была размещена в городах. К началу 1943 г. на территории, отходящей к Кемеровской области, было учтено 209 049 эвакуированных, из которых 128 558 (60,6 %) проживало в городах и 80 491 (39,4 %) – в сельской местности¹³. В Новосибирской области (в новых границах) на 1 июня 1943 г. их числилось 301 457, в том числе 182 770 чел. (59 %) в городах и 118 687 (41 %) в районах. Из 301 457 чел., прибывших в область, мужчин было 68 824, женщин – 134 247, детей до 14 лет – 98 386¹⁴. В Новосибирске на 1 июня 1943 г. было учтено 141 047 эвакуированных, из них 48 367 чел. приехали с предприятиями, 92 370 чел. индивидуально, 310 детей прибыли в составе детских учреждений¹⁵. В Томске на это же время числилось 41 723 чел. эвакуированных, из которых 18 404 прибыли организованно, а 14 961 чел. самотеком. С теми и другими прибыло 8 358 детей¹⁶. Подобная картина была характерна и для городов других областей.

С большинством эвакуированных предприятий прибыл только минимально ограниченный контингент высококвалифицированных рабочих, руководящих и инженерно-технических работников. По данным Совета по эвакуации при СНК СССР, доля эвакуированных с предприятиями оборонной промышленности рабочих составляла в среднем 25–26 % от их первоначальной численности¹⁷. Лишь с некоторыми заводами, такими как «Трансмаш», Котельный, эвакуированными в Барнаул, прибыло 88 % их прежнего состава [Гаврилов, 1985. С. 6].

На 1 апреля 1943 г. в Западной Сибири было учтено 934,5 тыс. эвакуированных, в том числе 359,9 тыс. детей. Из взрослого населения 508,1 тыс. были трудоспособны. В Алтайском крае было учтено 61,1 тыс. трудоспособных из 148,0 тыс. прибывших. В Новосибирской области 174,8 тыс. из 301,4 тыс. размещенных эвакуограждан, в

Кемеровской, соответственно, 106,5 тыс. из 212,5 тыс. чел, в Омской – 165,7 тыс. из 272,6 тыс. чел. прибывших по эвакуации¹⁸.

Трудоустройство прибывших начиналось с расселения и прописки на новых местах. В «Положении о прописке граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы», утвержденном постановлением СНК СССР 9 августа 1941 г., прибывшее по эвакуации население обязано было зарегистрировать свои паспорта или прописаться по месту расселения в течение 24 часов. Прибывшие без паспортов получали в милиции специальные удостоверения сроком на 3 месяца, которые не заменяли паспорта, но являлись основанием для прописки и устройства на работу¹⁹.

Двадцать шестого сентября 1941 г. ГКО принял Постановление 716-с «О частичном дополнении и изменении утвержденного постановлением СНК СССР Положения о прописке граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы», согласно которому ряд городов страны, в том числе и сибирских (Новосибирск, Кемерово, Сталинск, Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Ленинск-Кузнецкий), были отнесены к режимным местностям. Прописка в них разрешена была только гражданам, прибывшим с учреждениями и предприятиями, а также по назначению Совета по эвакуации и его уполномоченных на местах. Исполкомам Советов этих городов предоставлялось право (по утверждению облисполкомов) направлять трудоспособных граждан, прибывших по эвакуации из прифронтовой полосы и не устроившихся в течение двух недель на работу, для использования на работе в обязательном порядке в промышленности, транспорт, сельское хозяйство других городов и районов, нуждающихся в рабочей силе. Отказавшиеся от работы выселялись из этих городов с запрещением проживания в режимных местностях первой категории, в запретных зонах, погранполосе, в местностях, объявленных на военном положении, о чем делались записи в их паспортах, в графе особые отметки²⁰.

¹³ Исчислено по: ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.

¹⁴ ГАНУ. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 280. Л. 31 – 31 об; Советы депутатов трудящихся Новосибирской области (1937–1977 гг.): Сб. док. Новосибирск, 1997. С. 117–118. Проценты исчислены автором.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. Новосибирск, 2005. С. 79.

¹⁸ Во имя победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: В 3 т. / Сост. и отв. ред. Л. И. Снегирёва. Томск, 2005. Т. 1: «Исход» С. 321. Табл. 7.

¹⁹ Там же. С. 289–290.

²⁰ Там же. С. 299–300.

Важным условием трудоустройства прибывшего населения было правильное его использование на новых местах. Этому способствовал учет эвакуируемых, осуществляемый в соответствии с постановлением Совета по эвакуации от 7 июля 1941 г. «О порядке учета эвакуируемого населения» и специально разработанной инструкцией, предусматривающей учет прибывших по формам 1, 2, 3²¹. Особое внимание уделялось заполнению графы 12 списка формы № 2 (специальность), где указывалась не только специальность, но и профиль профессии (рабочий-металлист, рабочий-строитель, инженер-электрик, преподаватель физики, врач-хирург, врач-терапевт и т. д.), что давало возможность областным, краевым, районным организациям использовать специалистов по назначению²². Так, Омский обком ВКП(б), обсуждая 15 августа 1941 г. вопрос «О приеме, устройстве и обслуживании эвакуированного населения», возложил на начальников Переселенческого отдела и эвакуационного пункта ответственность за своевременный сбор данных обо всех прибывших специалистах и квалифицированных рабочих²³.

Предметом особой заботы при трудоустройстве прибывших было обеспечение условий для их высокопроизводительного труда. Для местных органов власти были разработаны инструкции, регламентирующие их деятельность в сфере трудового устройства этой категории эвакуированных. Обсуждая 28 октября 1941 г. вопрос о прибытии 2 069 донецких шахтеров, Анжеро-Судженский горком партии рекомендовал начальникам шахт прикреплять к прибывшим из Донбасса рабочим опытных горняков Кузбасса²⁴.

Ведя работу по трудоустройству эвакуированных, органы власти акцентировали внимание руководителей всех уровней на необходимость проведения среди них массово-политической работы²⁵.

Эвакуированные организованно рабочие, служащие, ИТР, как правило, оставались в своих коллективах и сразу же включались в работу на новых местах. По приказу Управляющего Комбината «Кузбассуголь» от 25 ноября 1941 г. 308 эвакуированных ИТР и рабочих треста «Орджоникидзеуголь» комбината «Донецкуголь» были трудоустроены в тресте «Прокопьевскуголь»²⁶. Значительная часть специалистов вошла в состав сибирских предприятий. Горнорабочие Донбасса, прибывшие в трест «Молотовуголь» в конце 1941 г., все были устроены по специальности²⁷. Прибывшие из Донбасса в Кузбасс эвакуированные кадры составляли свыше 30 % всех горнорабочих, т. е. 14 185 чел. [Цукров, 1973. С. 74].

Среди эвакуированных из Донбасса в Кузбасс горняков преобладали опытные рабочие, большая часть которых имела ведущие горняцкие специальности. Из 2 069 горняков, прибывших в Анжеро-Судженск в октябре 1941 г., 621 имел специальность забойщиков, 323 – навалотбойщиков, 291 – рабочих по забою, 484 рабочих до приезда в Кузбасс работали на поверхности шахт. Из 964 горняков Донбасса, прибывших с 25 ноября 1941 г. по 12 января 1942 г. в «Прокопьевскуголь», 682 имели подземные специальности. Все, кроме десяти, в первые же дни после прибытия пошли работать на шахты [Цукров, 1973. С. 163]. В 1942 г. только на шахтах Кузбасса трудилось около 8 тыс. горняков Донбасса, что составляло 17 % общей численности кузбасских шахтеров [Зяблицева, 2000. С. 101].

В 1942 г. в Кузбасс из Донбасса прибыло 446 эвакуированных инженеров и техников, которые составили около 40 % от общего их количества в бассейне перед началом войны. Из 277 прибывших инженеров – 241 чел. (87 %), а также 164 из 169 техников были направлены на работу в шахты²⁸. В двух из восьми угольных трестах Кузбасса управляющими и в четырех трестах главными инженерами были назначены специалисты, прибывшие из Донецкого бассейна. На 25 шахтах трестов «Ленинуголь» и «Сталинуголь» 22 заведующих и 22 главных инженера были тоже из Донбасса [Хорошайлов, 1968. С. 81–83]. В одном только

²¹ Там же. С. 285–287.

²² Там же. С. 286.

²³ Омская партийная организация... Омск, 1960. Т. 1. С. 73–75.

²⁴ Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сб. док. В 2 т. Кемерово, 1962. Т. 1. С. 92.

²⁵ Там же. Л. 93; ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 162.

²⁶ Партийные организации Кузбасса... Т. 1. С. 50.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 284.

²⁸ ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 5. Д. 301. Л. 158.

управлении строительства шахт Осинниковского рудника (трест «Кузбассшахтстрой») на руководящих инженерных должностях работали 14 донбассовцев. Шахту «Капитальная» (Осинники) возглавил талантливый организатор, горный инженер А. Ф. Кучин, получивший шахтерскую закалку в Донбассе, где он прошел путь от коногона до инженера [Соколов, Черноброд, 1964. С. 8].

На 1 января 1943 г. только в системе комбината «Кузбассуголь» работало 1 008 ведущих специалистов Донбасса, в том числе 349 инженеров и 344 техника. В целом, по подсчетам И. А. Шаравьева, работавшего в годы войны председателем Кемеровского обкома профсоюза работников угольной промышленности, в Кузбассе трудились более 31 тыс. шахтеров, ИТР и рабочих других отраслей, прибывших из Донбасса [Цукрова, Цукров, 2005. С. 170]. К концу войны эвакуированные из Донбасса составляли 4,4 % шахтеров Кузнецкого бассейна [Горняки Кузбасса, 1971. С. 145].

Важную роль в обеспечении промышленных предприятий рабочей силой играли эвакуированные ремесленные училища и школы ФЗО. Они стали базой для расширения сети государственных трудовых резервов в этом регионе. В августе 1941 г. по решению Совета по эвакуации в Новосибирскую область прибыли 8 230 учащихся трудовых резервов из Запорожской, 8 000 чел. из РУ и школ ФЗО Харьковской областей. Решением Новосибирского облисполкома от 21 августа 1941 г. 6 500 учащихся были распределены по угольным трестам, остальные – по предприятиям и стройкам²⁹. Прибывшие в Новосибирскую область в декабре 1941 г. 3 670 учащихся РУ и ФЗО из Ленинграда были распределены по заявкам предприятий³⁰.

Одновременно с учащимися ленинградских трудовых резервов в декабре 1941 г. в Омскую область и на Алтай прибыли 1 723 учащихся РУ и ФЗО из Сталинградской области, из которых 1 040 чел. были трудоустроены на предприятиях и стройках Омска, а 683 чел. – Барнаула³¹. По неполным данным, за вторую половину 1941–1942 гг. только в Новосибирскую и Омскую области

прибыло не менее 220 РУ, ЖУ и школ ФЗО, а с ними 110 402 чел. учащихся, производственного персонала и их семей. При этом основную часть учебных заведений (не менее 183) и учащихся (около 88 тыс.) приняла Новосибирская область³². В 1943 г. на шахтах Кузбасса работало 4 895 выпускников прибывших сюда РУ и ФЗО, на Кемеровском Коксохимзаводе 30,5 % от общего количества поступивших на завод в 1942 г. составляли выпускники школ ФЗО и РУ, эвакуированных из западных районов страны [Халиулина, 1995. С. 40–41].

В связи с отсутствием жилых и производственных помещений имели место факты отказа руководителей предприятий от их трудоустройства. Так, в докладной записке в обком партии от 16 августа 1941 г. начальник Новосибирского областного Управления Трудовых резервов сообщал о прибытии (по указанию Главтрезерва и Наркомата боеприпасов) на комбинат № 179 2 500 учащихся из Орловской области. Комбинат должен был обеспечить их жильем и работой, но он к этому не был готов³³.

На начало октября 1941 г. Новосибирская область приняла и трудоустроила 42 учебных заведения трудовых резервов (18 тыс. чел.), но в середине октября прибывали еще 13 778 чел. из ремесленных училищ и школ ФЗО Сталинской области УССР и Московской области. Из них Кузнецкому металлургическому комбинату надлежало трудоустроить 2 045 чел.; заводу № 526 (Сталинск) – 766 чел.; Комбинату «Кузбассуголь» – 9 326 чел.; Кемеровскому Азотно-туковому заводу – 561 чел.; заводу № 377 – 241 чел.; Сталинскому металлургическому заводу – 528 чел.; Кемеровскому коксохимическому – 311 чел. Руководители предприятий, кроме Коксохимического и Сталинского металлургического заводов, отказывались принимать и трудоустраивать учащихся из-за отсутствия жилья и производственных площадей. И только вмешательство обкома ВКП(б) и облисполкома помогло выйти из сложившейся ситуации. Однако до марта 1942 г. свыше 1 000 чел., прибывших в «Кузбассуголь», не могли работать на шахтах, из-за отсутствия спецодежды, что послужило основанием для ре-

²⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 251. Л. 35–36, 39–40.

³⁰ Там же. Д. 11. Л. 183–184, 208.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 51. Л. 65.

³² Исчислено по: ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–2; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 114. Л. 133–134.

³³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 251. Л. 35–36.

шения Наркомугля о переводе их в марте 1942 г. в Челябинскую область³⁴.

Как видим, трудоустройство организованно прибывающего населения проходило далеко не безболезненно. Были случаи, когда предприятия размещали в городах, а рабочих, из-за отсутствия жилья и работы – в близлежащих районах, что затрудняло их трудоустройство на предприятиях, с которыми они прибыли в эвакуацию, а в ряде случаев лишало их возможности работать в своих коллективах. Так, эвакуированный из Ленинграда завод «Электросила» был размещен в Томске, а его рабочие – в Томском сельском районе³⁵. В Кемерово 20 ноября 1941 г. прибыли по эвакуации рабочие, ИТР Рубежского химкомбината. Их разместили на базе ободно-механического завода, который отказал в трудоустройстве части рабочих. Прибывшие оказались в положении безнадзорных. Дело дошло до прокуратуры, и это помогло найти приемлемое для обеих сторон решение вопроса³⁶. Подобная участь постигла коллектив спичечной фабрики, эвакуированной в конце 1941 г. из г. Чудово в Томск и размещенной на базе имеющейся в городе спичечной фабрики, которая отказала прибывшим в трудоустройстве. Эвакуированные рабочие были расселены в колхозах Томского сельского района, где оказались невостребованны по специальности и из-за отсутствия постоянной работы в колхозах. Не имея теплой одежды, обуви, работы они просили местные власти решить их судьбу, пока их не трудоустроили в другом районе³⁷.

Осенью 1941 г. в Томск было эвакуировано оборудование и кадры Гомельской электростанции. В связи с поспешным отъездом и отсутствием в Гомеле Коммунбанка (он эвакуировал раньше) коллектив не получил зарплату, полагающиеся подъемные и прибыл в Томск без денег и личного имущества. Между тем руководство Томского горисполкома вместе с директором Томской электростанции медлили с трудоустройством прибывших ИТР, рабочих и категорически отказывались удовлетворить законные требования коллектива в выплате денежных средств. Все это вынудило прибывших об-

ратиться с письмом к секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) М. В. Кулагину, что помогло разрешить конфликтную ситуацию³⁸.

Сильно осложнял решение проблемы трудоустройства плохо поставленный учет. Так, из прибывших 27 ноября 1941 г. в Рудничный район г. Кемерово 1 253 горняков Донбасса на 12 декабря не были трудоустроены 410 чел. При обсуждении этого вопроса 3 января 1942 г. на заседании бюро Рудничного горрайкома партии выяснилось, что трест «Кемеровоуголь» не имел точных данных о количестве прибывших и трудоустроенных. По данным горрайкома на 1 января 1942 г. в Рудничный район г. Кемерово прибыло 3 004 чел. На учете же в заводоуправлении треста «Кемеровоуголь» количество расселенных и трудоустроенных значилось 2 018 чел. остальные 986 чел. жили в эвакуопунктах, не работали и не могли пользоваться общественным питанием³⁹.

В феврале 1942 г. в ходе проверки состояния этой работы в г. Киселевске выяснилось, что работа велась спонтанно, без должного учета. Были случаи, когда продовольственные карточки выдавались прибывшим только на 3–7 дней, чтобы, таким образом, неразмещенных, проживающих на эвакуопунктах людей, заставить трудоустроиться⁴⁰.

Еще сложнее обстояло дело с трудоустройством неорганизованно, «самотеком» прибывших эвакуограждан, абсолютное большинство которых не имело необходимых средств к существованию. А они составляли значительную часть прибывших из прифронтовой полосы. Только в Новосибирской области (в новых границах) на 1 июня 1943 г. их насчитывалось 220 130 чел. (107 331 чел. в городах и 112 799 чел. – в районах области⁴¹).

Включение неорганизованно прибывшего населения в производственную деятельность осуществлялось по нескольким направлениям, одним из которых были мобилизации. Так, по решению Новосибирского обкома и облисполкома от 17 августа 1941 г. на уборку урожая было мобилизова-

³⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 141. Л. 100.

³⁵ Там же. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 142.

³⁶ Там же. Д. 129. Л. 18.

³⁷ Там же. Д. 172. Л. 142, 143.

³⁸ ГАТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 11. Л. 25–27.

³⁹ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 142; Д. 129. Л. 18.

⁴⁰ Там же. Л. 252.

⁴¹ Там же. Д. 280. Л. 31 – 31 об.

но 50 тыс. чел. в том числе и часть прибывшего по эвакуации населения [Анисков, 1970. С. 48; Щеголев, 1959. С. 142]. Девятнадцатого февраля 1941 г. обком и облисполком вынесли решение о мобилизации в первом квартале 1942 г. 25 500 чел. из местного и эвакуированного населения для работы на производстве и строительстве⁴².

В справке «О состоянии жилищно-коммунального, материально-бытового и медико-санитарного обслуживания эвакуированного населения в Новосибирской области», направленной 15 марта 1942 г. отделом хозяйственного устройства эвакуированного населения в СНК РСФСР, указывалось: «...в настоящее время в связи с реализацией Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. все неработающее городское население, в том числе и эвакуированное, должно быть обеспечено работой в порядке трудовой мобилизации. Почти все трудоспособное эвакуированное население в сельской местности с наступлением весенних сельхозработ найдет широкое применение своим силам в различного рода сельскохозяйственных работах...»⁴³. Тридцать первого мая 1942 г. обком и облисполком приняли постановление о мобилизации 175 тыс. чел. из местного и эвакуированного населения на временные, весенние сельхозработы⁴⁴.

По постановлению Кемеровского облисполкома от 7 июля 1943 г. в течение одного месяца в городах Кузбасса (Сталинске, Белово, Гурьевске) было мобилизовано 300 эвакуированных для работы на предприятиях Наркомцветмета⁴⁵. В Алтайском крае только с мая 1942 по июнь 1943 г. было проведено 14 мобилизаций трудящихся на строительные работы в промышленности, на транспорт и сезонные работы в сельском хозяйстве [Анисков, 1985. С. 40].

Специфическим методом мобилизации трудовых и материальных ресурсов, обусловленным войной, были повинности. Выполняя постановление ГКО от 25 ноября 1941 г. «Об усилении железнодорожных линий, связывающих Кузбасс и Караганду с Уралом и Поволжьем», Омский облиспол-

ком в конце 1941 г. направил на строительные работы из пяти районов области 2 тыс. колхозников и эвакуированных, а в начале 1942 г. – еще 6 тыс. чел. из 15 районов сроком на один год⁴⁶.

В начале 1942 г. в ряде областей Западной Сибири на основании постановления ГКО от 25 декабря 1941 г. была введена временная трудгужповинность на строительстве эвакуированных предприятий. Только в одном Алтайском крае для ее осуществления было привлечено 10 тыс. колхозников и эвакуированного населения, не занятого в промышленности [Там же].

Эвакуированное население привлекалось к трудовой повинности и в связи выполнением постановлений СНК СССР от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» и «О строительстве жилых домов облегченного типа из местных материалов», принятого в феврале 1942 г.⁴⁷

Вовлечение массы людей в активную производственную деятельность осложнялось тем, что значительная ее часть, размещенная в сельской местности, не имела навыков работы в сельскохозяйственном производстве. Решению этих вопросов уделялось внимание со стороны разного уровня властных структур. Неоднократно они были предметом специального рассмотрения на заседаниях обкомов, облисполкомов, на страницах печати⁴⁸. В результате совместных усилий была развернута сеть переподготовки кадров. В Омске, Новосибирске, Кемерово, Томске, Бийске, Барнауле работали курсы по переквалификации специалистов рабочих профессий. В Барнауле действовал учебно-производственный комбинат, где обучались инвалиды по специальностям бухгалтеров, плановиков, киномехаников.

На Меланжевом Комбинате были открыты курсы подготовки специалистов мастерских ширпотреба, проводился инструктаж надомниц. Только в Бийске и Барнауле им было охвачено 450 чел. Для инвалидов создавались условия для обучения и работы на

⁴² Доблестный труд рабочих, колхозников, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1964. С. 68–69.

⁴³ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 161–162.

⁴⁴ Советская Сибирь. 1942. 2 июня.

⁴⁵ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 8. Л. 114.

⁴⁶ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 7. Д. 166. Л. 5–6.

⁴⁷ Во имя Победы... Т. 1. С. 32, 296–298; ГАКО. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 200. Л. 12; ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 764. Л. 90–92; Д. 785. Л. 56 об., 57 – 57 об., 74–75.

⁴⁸ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 5а. Д. 18. Л. 331–332; Советская Сибирь. 1941. 31 дек.; Алтайская Правда. 1942. 17 авг.

дому⁴⁹. Эвакуированные, как правило, обучались с местными жителями. Но в ряде мест работали специальные курсы для переподготовки эвакуантов. В марте 1943 г. при Тяжинской МТС тогда еще Новосибирской области начали работать месячные курсы трактористов на 30 чел. для эвакуированных из Латвийской ССР⁵⁰.

Базой для подготовки и переподготовки специалистов сельского хозяйства, директоров совхозов, МТС, председателей колхозов, кадров массовых профессий стали местные и эвакуированные сельхозвузы. Только преподаватели Воронежского сельскохозяйственного института, находящегося в эвакуации в г. Камень Алтайского края, с декабря 1942 по апрель 1943 г. на курсах подготовили 1 320 председателей колхозов, 450 комбайнеров, 550 трактористов, 200 машинистов молотилок, 140 газо- и электро-сварщиков, 300 бригадиров транспортных бригад, 80 шоферов, 100 машинистов-зерноочистителей ВИЭМ-2, 200 механиков МТС⁵¹. В 1943–1944 гг. курсовые мероприятия института охватили подготовкой и переподготовкой более 2 000 чел.⁵²

Осуществляя трудоустройство эвакуированного в сельскую местность населения, властные структуры вели работу по вовлечению эвакуированных в колхозы. Так, Омский обком ВКП(б), рассматривая 26 марта 1942 г. вопрос «Об использовании эвакуированного населения на сельскохозяйственных работах в Кормиловском и Горьковском районах», уделил этому вопросу особое внимание⁵³.

Основная часть неорганизованно прибывшего населения трудоустроена была в колхозах. На 1 апреля 1943 г. в 40 районах Новосибирской области из 55 669 чел. трудоспособных эвакуантов в колхозах работало 33 307 чел. (58,8 %)⁵⁴. Но большинство семей со вступлением в колхозы не спешило. На 25 апреля 1942 г. в Беловском районе тогда еще Новосибирской области из 715 семей в колхозы вступило только 3 семьи, в Тяжинском из

758 семей – 15, в Черепановском из 1 983 семей – 170. Лучшие результаты на это время имел Ижморский район, где из 1 140 семей в колхозы вступило 402 семьи⁵⁵. Похожая картина прослеживается по Омской области⁵⁶.

Такое положение, по нашему мнению, объясняется рядом причин. Многие эвакуированные считали себя временными жителями на сибирской земле. Желая вернуться в родные края, они опасались, что вступление в колхозы может затруднить их возвращение домой.

Причиной была и низкая оплата труда колхозников. В Западной Сибири в годы войны резко увеличилось число колхозников с минимальной (до 100 г.) выдачей зерна на трудодень. В Алтайском крае в 1941 г. доля колхозов, где на трудодень полагалось менее 100 г зерна, составляла 0,9 %. К 1943 г. она увеличилась до 12 %. В Омской области удельный вес таких колхозов в 1941 г. составлял 0,6 %, в 1943 г. – почти 15 %. Колхозники Кемеровской области в 1943 г. на 1 трудодень получали 0,5 кг зерна [Исупов, 2008. С. 300].

По данным сельсоветов и райисполкомов Новосибирской области в колхозах работало до 70 % взрослого населения, эвакуированного в сельскую местность. Численность трудоспособного эвакуированного населения к общему числу трудоспособных колхозников области (в ее старых границах) составляла 15 % [Щеголев, 1959. С. 144]. В ряде колхозов Алтайского края эвакуированные также составляли до 15 % всех трудоспособных колхозников [Казанцев, 1985. С. 144]. В колхозах Западной Сибири эвакуированный слой выработал в 1942 г. 5 млн трудодней, оказав тем самым заметную помощь труженикам сибирской деревни [Щеголев, 1959. С. 143–144].

Материалы инспекторских проверок по трудоустройству эвакуантов, проводимых неоднократно в течение всех лет войны в городах и районах сибирских областей, позволяют сделать вывод о том, что более успешно эта работа велась в Осинниках, Анжеро-Судженске, Томске, Новосибирске. Здесь процент трудоустроенных составлял от 85,4 до 92,3 %. Медленнее решались эти вопросы в Гурьевске, Ленинск-Кузнецком,

⁴⁹ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 30. Л. 5; Алтайская Правда. 1942. 17 авг.

⁵⁰ ГАКО. Ф. Р-77. Оп. 3. Д. 53. Л. 87.

⁵¹ ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 147. Л. 431–434.

⁵² Там же. Д. 546. Л. 6, 10; Д. 147. Л. 431–434.

⁵³ ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 17. Д. 52. Л. 41.

⁵⁴ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 284. Л. 1, 2. Проценты исчислены автором.

⁵⁵ Там же. Оп. 5. Д. 157. Л. 48, 96, 105, 110.

⁵⁶ ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 17. Д. 52. Л. 41.

Тайге, Белово, Бийске, Ойрот-Туре и других городах⁵⁷.

Из сельских районов хороших результатов добились Ордынский, Барабинский, Татарский, Болотнинский, Асиновский, Новосибирский, Ояшкинский, Пышкино-Троицкий и другие районы Новосибирской области, Кемеровский, Кузедеевский, Ленинск-Кузнецкий – Кемеровской⁵⁸.

Серьезные недостатки в ходе неоднократных проверок были выявлены в Алейском, Грязнухинском, Зональном, Поспелихинском, Курьинском, Локтевском, Смоленском, Кышманском, Шипулинском, Усть-Калманском районах, за что их руководство подвергалось неоднократно резкой критике⁵⁹. В Новосибирской области серьезные недостатки в работе имелись в Каргатском, Черепановском, Шегорском, Чулымском, Северном, Туганском и ряде других районов области⁶⁰.

Первые итоги проводимой работы подведены были только к концу 1942 г., в связи с завершением в основном второго этапа эвакуации и учета эвакуированных. На 1 января 1943 г. в Западной Сибири насчитывалось 925,7 тыс. эвакуированных, из них 513,2 тыс. чел. трудоспособных. Однако трудоустроены на этот период были только 346,5 тыс. чел., что составляло 67,5 % от общего числа трудоспособных. Лучше других вопросы трудоустройства решались в Новосибирской области, где на это время в народном хозяйстве было трудоустроено 83,4 % прибывших граждан. Сложнее в Омской области и в Алтайском крае, где трудоустроено было на это время соответственно 47,5 и 48,7 %⁶¹.

В численном выражении по областям это выглядело следующим образом: в Алтайском крае из 61,0 тыс. трудоспособных не работало 31,2 тыс. чел. В Новосибирской области из 179,9 тыс. чел., способных трудиться, не были трудоустроены 26,3 тыс. чел. В Кемеровской области из 106,5 тыс. трудоспособных не имели рабочих мест 21,1 тыс. чел., в Омской области из

165,7 тыс. трудоспособных не работали 88,0 тыс. чел. В целом по региону не были трудоустроены 166,7 тыс. чел., или 32,5 %⁶².

А между тем Правительство настойчиво требовало улучшения работы по трудоустройству и бытовому обслуживанию эвакуированных. Двадцать шестого марта 1943 г. СНК СССР принял Постановление «О состоянии трудового устройства и бытового обслуживания эвакуированного населения». Летом и осенью 1943 г. была проведена инспекторская проверка по этому вопросу 18 областей РСФСР, в том числе и ряда областей Западно-Сибирского региона. Проверка показала определенные сдвиги, происшедшие в вопросе трудоустройства прибывшего из прифронтовой полосы населения. На 1 июля 1943 г. (до начала массовой реэвакуации) в Западной Сибири насчитывалось 938,1 тыс. эвакуированных, в том числе 508,1 тыс. трудоспособных, из которых работало 409,1 тыс. чел., что составляло 80,5 %, но 19,5 %, т. е. 99 тыс. чел. по разным причинам по-прежнему не работали.

Лучшее положение оставалось в Новосибирской области (в ее новых границах). Здесь из 174,8 тыс. трудоспособных работали 165,5 тыс. чел., что составляло 95,2 % от всех трудоспособных. В Кемеровской области из 106,5 тыс. трудоспособных работали 94,7 тыс. эвакуированных, т. е. 88,5 %. В Омской – из 165,7 трудоспособных были заняты в народном хозяйстве 111,3 тыс. чел., т. е. 67,1 %. Ниже всех показатели имел Алтайский край. Здесь из 61,1 тыс. чел., способных трудиться, работали 37,6 (61 %) ⁶³.

В целом по Западной Сибири на 1 июля 1943 г., как указывалось выше, трудоустроенное население составляло 80,5 %. По РСФСР в целом к этому времени было трудоустроено 82,8 % трудоспособного населения, но 17,2 % оставались безработными⁶⁴. Сравнивая эти показатели, можно сделать вывод о том, что Западная Сибирь по итогам работы приблизилась к общероссийскому уровню. Что же касается Новосибирской (95,2 %) и Кемеровской (88,5 %) областей, их показатели были значительно выше общероссийских.

⁵⁷ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 129. Л. 18; ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 30. Л. 136. Проценты исчислены автором.

⁵⁸ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 284. Л. 1, 2, 3.

⁵⁹ ЦХАФАК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 125. Л. 148–149.

⁶⁰ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 284. Л. 1, 2, 3.

⁶¹ Исчислено по: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 404. Л. 5 (1, 2); Д. 143. Л. 11, 23, 25, 47.

⁶² Там же.

⁶³ Исчислено по: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 404. Л. 5 (1, 2); Д. 423. Л. 11, 23, 25, 47.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 375. Л. 37.

Эвакуированные граждане вносили значительный вклад в общий труд рабочих, крестьян, интеллигенции на нужды страны и фронта. Многие из них не просто принимали участие в работе промышленности, транспорта, сельского хозяйства, но и показывали образцы высокопроизводительного труда.

Список литературы

Анисков В. Т. Из истории Советов Сибири в период Великой Отечественной войны // Труды Алтайского политехнического института. Барнаул, 1970. Вып. 16.

Анисков В. Т. Общественно-политическая жизнь крестьянства в годы Великой Отечественной войны // Деятельность КПСС по повышению производственной и общественно-политической активности тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны. Иваново, 1985.

Гаврилов Н. С. Трудовой подвиг тружеников Алтая в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1985.

Горняки Кузбасса. Новосибирск, 1971.

Зяблицева С. В. Некоторые аспекты трудоустройства эвакуированных в Кузбассе // Сибирь – фронту: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (12 мая 2000 г.). Кемерово, 2000.

Исупов В. А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008.

Исупов В. А. Людские ресурсы Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и исполь-

зования // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005.

Казанцев В. И. Трудовые ресурсы сельского хозяйства Алтая // Сибирь в Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1985.

Снегирёва Л. И. К вопросу об учете эвакуированного населения в Западной Сибири и его численности // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне (12–13 мая 2005 г.). Томск, 2005.

Соколов В. Д., Черноброд М. Б. Дружба, закаленная в огне (Кузбасс и Донбасс в годы Великой Отечественной войны) // Из истории Кузбасса, 1964.

Халиulina А. А. Изменение в составе рабочих кадров Кузбасса в 1941–1942 гг. // 50 лет Великой Победы: Тез. науч. конф. Кемерово, 1995.

Хорошайлов Н. Мужество Донбасса. Донецк, 1968.

Цукрова Н. Г., Цукров В. А. Кузбасс – Донбасс: человеческое измерение (1941–1945 гг.) // Вклад сибиряков в Победу в Великой Отечественной войне. Кемерово, 2005.

Цукров В. А. Труд горняков Донбасса в сибирском тылу (1941–1945) // Народы Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кызыл, 1973.

Щеголев К. М. Участие эвакуированного населения в колхозном производстве Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1959. № 2.

Материал поступил в редколлегию 29.09.2009

L. I. Snegireva

THE JOB PLACEMENT OF EVACUATED POPULATION IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

In this article is analysed the main trends, problems, asperities and results of the work of the evacuated population. As a conclusion is the involving of the evacuated population in a work sphere and reduction of the cadre problem acuteness in this region and it gives a chance to provide living wage by the evacuated population.

Keywords: the Great Patriotic war, Western Siberia, evacuation, the job placement of the evacuated population.